

САГА О КАЗАХСКОЙ ДОМБРЕ

«В начале – было слово...». Нет! В начале – были звуки. Иначе откуда бы появились слова? Мир – это ристалище вечных звуков!

Пульсары – это вечные звуки Мироздания, его жуткие схватки-муки. Поэтому мир наш вовсе не молчун, а – старый ворчун. Эту вечную «ворчливость» может терпеть только Бог. Так что, тишины (покоя) не было никогда и не будет! Когда поэт воскликнул: «...вечный бой... покой нам только снится», это он лстил Создателю, кто действительно не знает покоя. А мы добьемся покоя даже ценою смерти, мы со звенящей Вечностью состязаемся по-своему: вахтенным способом, переходя от поколения к поколению. В этом – наше преимущество перед Богом. Быть может, поэтому дано лишь людям из однообразных звуков Вечности соткать поэзию и мелодию! О Аллах, как все это просто. Я разгадал одну из великих твоих тайн. «Жизнь – коротка, а искусство – вечно». Я умолкаю – пусть играет домбра!

Домбра – наша музыкальная праматерь

Все народы имеют свою историю. Но у казахов (и киргизов) она особенная – во всему остальному – она еще и музыкальная. История, закодированная в музыке! Летопись-вестница нашей истории – это домбра. История домбры – история казахов... Когда поэт сказал: «*Настоящий казах не казах, настоящий казах – домбра*», то он счастливо коснулся истины (К.Мырзалиев).

Если выдать на домбре мелодию – «Таукудрет», то не лопаточкой археолога, а мощным экскаватором вскопнешь человеческую историю. И наткнешься на такой ее пласт, когда жил сам «отец истории» – Геродот. Оживают и предстают перед глазами амбициозные греки, перекраивающие мир по-своему. Они были «в гостях» и у нас. Плутарх пишет и об этом: «Древние скифы, разгоряченные кумысом, на досуге развлекались, извлекая звуки с натянутой нити (струны) лука». Да, это – правда. Ибо наши прямые пращуры кассаки (саки) делали на досуге то же самое (однострунная домбра появилась позже). Греческий след в нашей истории этим не завершается. Слушая наигрыш (кюй) о двуроге Искандере, убеждаешься в том, что домбра «запомнила» и завоевателя Александра Македонского.

Удивительна сама история возникновения произведения – «Таукудрет». Легенда гласит: «*Так угодно было Богу, что Таукудрет (птица из семейства куликовых) имела лишь одно крыло. Ясно, что с одним крылом не полетишь так же, как однострунной домбре не выдать всю палитру звуков. Несчастная Таукудрет, глядя на летящих зигзагами чаек, на парящего в небе орла, непрестанно молила Бога: «О*

Кудрет-ау, Кудрет (О Тенгри!) Сжался надо мной! Подари мне, как и всем другим птицам, – второе крыло!..» Тогда Создатель наводит ее на мысль: «У тебя есть правое крыло, а у твоей зазнобы – левое. Вот вы с ней спаруйтесь и попробуйте взлететь вдвоем, вместе».

И действительно, когда две птицы, плотно прижавшись бок о бок, каждая начала взмахивать своим крылом, о чудо! – взлетели, словно бы они единое существо! Они так увлеклись магией полета, что были безмерно счастливы и вовсе не хотели садиться. Лишь к вечеру, вконец обессиленные, они замертво рухнули на землю... Бог достойно оценил сие самопожертвование, сказав: «Птица счастлива лишь своими крыльями, так же как поэт – своей музой». В дальнейшем, по Божьей милости, птенцы Таукудрета начали появляться на свет уже двукрылыми.

...Наш пращур отдыхал, бренчал на своей однострунной домбре... и вдруг – чудо! Он стал невольным очевидцем этого необычайного явления – взлета двух птиц как одно целое. Зачарованный этим чудотворством, он смекнул и пристегнул к своей домбре вторую струну и заиграл на ней так, как никогда раньше! И заодно сочинил кюй «Таукудрет», т.е. Тау – гора, Кудрет – Бог (божья высота)».

Ведомо лишь одному Богу, когда это произошло. Но мелодия этого наигрыша в народной памяти сохранилась по сей день... это удивительно еще и тем, что в то время не было казахской нации... но почему-то все это помним мы – современные казахи. Метаморфоза! Не в этом ли – волшебство домбры?!

Так, некогда появившись, двухструнная домбра буквально выросла в ментальную сущность наших предков. Быть может, поэтому до 19 века невозможно было представить бытование казахов без домбры. Это было «второе я» казаха.

И что характерно: в дальнейшем домбра как бы ни усовершенствовалась (став трех-четырёх- и даже пятиструнной), но наиболее живучей и певучей оказалась именно двухструнная домбра. Здесь трудно отделаться от мысли о вечной гармонии в природе, о противоборстве добра и зла, дня и ночи, о торжестве двух жизнеутверждающих начал – женского и мужского... Две струны, как два крыла, стремятся к вожделенному целому... Лишь слегка коснувшись струн настроенной домбры, поражаемся, как синхронен этот дуэт своим разноголосьем, будто верхняя струна – это зычный мужской голос, а нижняя – звонкий женский (несравненный композитор Даулеткерей позже по этому поводу сочинил кюй «Қос шек – две струны»).

Память «сиамских близнецов»

Вода имеет память, кровь человеческая – тем более. Без учета этой истины нам трудно понять, что хотят сказать близнецы – домбра и домбрист и как им удастся воссоздать события давно минувших лет. К примеру, непревзойденный Курмангазы в свое время (19 в.) создал шедевр мирового уровня – кюй «Сарыарка». На современном языке – это масштабная и невероятно емкая симфония. О чем она? Но уж, во всяком случае, это не о буднях флегматично-мерной степной жизни... и она не убаюкивает слушателя как таттимбетовская панорамная сказка – «Саржайлау».

Оказывается, история жива не только одними греками. Вот хлынула с Алтая волна, и бегущей строкой мелькают перед нами скачущие наши далекие предки... Они почему-то затеяли извечный спор со Временем и с Пространством. Она, ударяясь о борт Великой Китайской стены, грозно покатила по всей нашей великой Степи... и дальше аж до самого «вечного города (Атилла)». Эти волны,

неоднократно прокатившиеся по этому маршруту, оставили неизгладимый след и в истории, и в памяти народной... Как, например, можно забыть «Страну кипчаков (Дешти-и-кипчак)», тем более что тогда кипчакский язык котировался как международный? В этом контексте становится ясным правдивость слов поэта С.Маркова:

В великом «Слове о полку»,
как буйная трава,
вросли в славянскую строку
кипчакские слова.

Великая Степь тогда бурлила, кипела жизнью и событиями, сменяющимися одно за другим вплоть до монгольского нашествия – теперь уже другой волны...

Главным героем и очевидцем этой неслыханной исторической драмы в Степи всегда оставался кочевник-степняк. Он это запомнил навсегда и по вечерам рассказывал об этом своим детям и внукам. Всегда одухотворяющие, эти рассказы и легенды о славном нашем прошлом веками и с гордостью передавались от поколения к поколению, как священное наше «Шежіре (о семи предыдущих родителей)», пока это «самоосознание» не вошло в гены грядущих поколений (в свое время мой двоюродный брат Керей в шести-семилетнем возрасте наизусть знал весь текст эпоса «Кобланды батыр»).

Вот так у гениального Курмангазы, выдавшего в ошеломляющих темпах океанную симфонию – «Сарыарка», не иначе как «заговорила» священная кровь... По-другому это объяснить невозможно. Не верите, послушайте тогда ее еще раз. Буквально с первых аккордов на вас обрушивается музыкальная лава только что проснувшегося вулкана, и даже потом некогда будет перевести дыхание, и вы невольно становитесь очевидцем бурных событий давно минувшего лихолетья на этой огромной территории.

Счастливо встревоженный мощным эпическим зарядом этого музыкального фейерверка «Сарыарка», невольно подумаешь: способен ли какой-нибудь другой вид искусства впитать в себя столь объемную информацию, кроме как казахская симфония – кюй. Это – архитектура истории в музыке. В этом бессмертном творении, как в янтаре, скристаллизована живая история великой Степи.

Что характерно: у Курмангазы все произведения отличаются строптиво-буйным нравом. Возьмем – хотя бы по названию – самое скромное из них – «Кішкентай (малый, маленький)». Ну и что? Обманутое ожидание, опять – взрыв! Благо, что есть у кого спросить – земля казахская не оскудела. В «Доброе время восхода» спрашиваю у другого современного гения: «Вы слушали, вслушивались в мелодию наигрыша Курмангазы «Кішкентай». «Нет, а что?» – «Там речь идет совершенно о другом». Он добро улыбнулся и ответил: «Хорошо, я специально послушаю это». Я успокоился: «Два гения – пусть разбираются сами». Но все равно мысль эта постоянно «точила» мозг. История преемственна и жива тем, что последующее поколение перекликается с предыдущим. Требовался – отклик! Как-то, глядя на ночное небо, я обнаружил, что все звезды на небе мерцают одинаково – и большие, и маленькие. «Эврика! Алакай! Я наконец-то понял, что хотел сказать Курмангазы, он ведь – тоже звезда». Она, мерцающая, сообщает нам о некогда существовавшей цивилизации с необычайно высокой музыкальной культурой. Наши предки не оставались на уровне лишь фольклорного наследия, у них уже было высокое искусство. Очевидно, этот золотой пласт, питая нас своим богатством, не дает обнищаться духовно.

Русский интеллигент Н.Савичев видел и слушал игру на домбре живого Курмангазы и в сердцах сказал: «...если бы он получил европейское образование, то превратился бы в музыкальном мире в звезду первой величины». Ни убавить – ни прибавить.

Домбра больше, чем инструмент

Под европейским образованием Н.Савичев, безусловно, имел в виду музыкальную грамоту (ноты). Но импровизационная игра на домбре – это нечто другое, большее, не вмещающееся в рамки привнесенных условностей, нотных знаков (кстати, нотные знаки нашим предкам были известны еще в среднем веке – «Кодекс Куманикус»).

В этом – очередное волшебство игры на домбре. Эту особенность домбры поймут позже. По этому поводу русский писатель Н.Анастасьев сказал: «Нота только знак. Она не могла передать всю оригинальность звучания и неповторимое своеобразие характера музыки кюя». Вот что такое домбра в руках вольнолюбивых степных бардов, творцов-композиторов, если даже они не имели музыкальную грамоту. Ну, как тут не вспомнить слова несравненной созидательницы кюев Дины Нурпеисовой: «Музыку следует писать сердцем». В ее руках домбра, как сердце оголенное, вырвавшееся из груди, чтобы сподобиться полевому жаворонку, замирающему в зените в пылу своего пения, или грациозности аргاماка, распластавшегося в высоком полете...

Для казаха домбра больше, чем инструмент. Ее магический голос (коңыр дауыс – не переводится, но смысл его: волшебный баритон) он впитывает еще с молозивом материнских колыбельных песен. Быть может, поэтому домбра воспринимается нами как некая «данность», как послание самого Тенгри.

Кстати, давно замечено, что магическая мелодия домбры благотворно (лечебно) влияет на живой организм. Но для этого необходимо сыграть 62 кюя. Ибо – по казахской народной медицине – в теле человека (и животного) имеется 62 кровеносных сосуда (*тамыр*). Лишь воздействовав на все эти сосуды, можно умирающего человека поставить на ноги. Согласно легенде: «В старину у хана в битве погиб единственный сын. Никто не мог утешить, развеять его печаль. Отвернувшись от людей (кстати, это самый осуждаемый поступок на всем Востоке), не принимая пищи, лежал хан на своем ложе и умирал от горя. Вдруг раздались звуки. Кто-то играл на домбре, сидя у порога. Звуки кюев были настолько мелодичными, что трогали душу, несли утешение, и открывались у хана один за другим кровеносные сосуды, возвращая ему жизненные силы. Когда отзвучали все 62 кюя, хан повернулся и, увидев мальчика-подростка, сказал: «Я думал – увижу умудренного старца, познавшего все горести жизни. Как же ты смог так сыграть и что играл?» Мальчик ответил: «Ваше горе – это тоска по одному сыну, моя музыка вобрала в себя горе всего народа. Я играл күй Қосбасар».

Язык Тенгри

Домбра – всегда на почетном месте (төр). Это уважительное к ней отношение чудесным образом объясняет ту существующую еще духовную преемственность поколений. Наши предки – голубые тюрки считали, что голос домбры – это язык Бога (Тенгри). Они же и ввели понятие «күк», т.е. күй. Были времена, когда каждо-

му восходящему дню посвящалось по одному творению. И так продолжалось все 365 дней без чувства пресыщенности (правда, лучшие из них потом отбирались в период великого равноденствия – Наурыз).

Слух о божественном голосе домбры распространялся повсеместно. Даже императоры Поднебесной приглашали в свои позолоченные дворцы домбристов-импровизаторов, чтобы насладиться их искусством. Они были наслышаны, что перед голосом домбры отступает даже смерть. Речь идет о легенде всего тюркского мира – о Святом Коркут-ате. Пращур, обскакав полсвета, приходит к выводу: смерть – неизбежна, но должно же быть еще что-то нечто более важное, что недоступно смерти и переживет бранный мир.

Обуреваемый тоской безысходности, он с надеждой глядел в Небо голубое, обращаясь к Тенгри. Пол-Неба тогда было окольцовано многоцветьем радуги! Состоялся необычный диалог между Создателем и его дитя – Человеком (с тех пор радуга считается контактной связью между Богом и людьми).

Человек превзошел все ожидания Бога: он молчал, но его душа пела с таким неслыханным порывом, что по сравнению с этим напором «Девятый вал» Айвазовского – ничто. Откуда-то, из самых глубин человеческого существа, распирая его грудь, вырывалась мелодия, что подхватил его кобыз. Он бессловесно заливался так, что, заслушавшись, на мгновение замер весь живой мир... Пораженный этим зрелищем, Бог высветил лишь одну из граней ее величества Истины – «Искусство вечно, жизнь коротка!» Тут же исчезла и огромная радуга...

Коркут-ата понял, что смерть может приостановить лишь музыка. Поэтому единственным его утешением оставалась мелодия кюя, и он не переставая играл на своем кобызе. Пока он играл, смерть действительно не могла к нему подступиться. Она настигла его лишь тогда, когда он, весь изможденный от игры, заснул...

Позже великий Абай по этому поводу скажет, что «человека встречают с песней и так же его провожают (жоктау – оплакивание)».

Домбра – «враг» народа

У казахов есть выражение: «Кто из нас начнет говорить – я или домбра моя». Оно имеет давние свои исторические корни. Общеизвестна легенда «О хромом кулане», о ней знают везде, даже за границей, где только есть казахская диаспора. Легенда гласит: *«Сын хана, нарушив запрет отца, тайком уезжает на охоту. Он встречает стадо куланов и ранит копьем вожака. Захромавший, разъяренный кулан ударом копыт убивает юношу. Не дождавшись сына с охоты, хан объявляет: кто к нему придет с вестью о смерти сына, тому волюют расплавленный свинец в глотку. Долго никто не осмеливается, но наконец к хану приходит старый домбрист. В звуках домбры и ее плачевном напеве хан слышит трагическую весть: «Сын твой погиб, несчастный правитель». Он тогда приказывает расплавленным свинцом залить саму домбру. С тех пор она имеет дырку на верхней деке».*

С тех еще времен домбру начали воспринимать как живое существо – беспристрастное и грозное. Домбра, раз тогда «проколовшись», сразу впала в немилость имущей верхушки. Но ни одна верхушка с домброй не смогла справиться, т.к. раньше в каждом казахском доме была домбра. Не убивать же всех казахов.

Хан еще был милостив, пожалев в свое время домбриста, а белый царь – нет. Он хотел разорвать «сиамских близнецов». Известно, что мятежный Курмангазы

неоднократно сидел в царской тюрьме (но со своей домброй он не расставался). А великого сказителя Турмагамбета вообще сгноили в тюрьме.

Та же участь постигла творцов-домбристов и при советском режиме. Так, репрессированный в 1937 году великий домбрист Камбар Медетов в 1942 году скончался в тюремной больнице Хабаровской области.

Видя все эти ужасы политических репрессий, выдающийся композитор новатор Сугур наотрез отказался от публичных выступлений. Он в качестве протеста не выехал даже на московскую декаду казахского искусства, хотя был приглашен туда персонально. Знать, самый страшный приговор власти – это когда соловей замолкает!

Третий голос домбры, о чем он?

Известный музыковед-композитор А.В.Затаевич удивлялся, что часто в звучании двухструнной домбры он явственно слышал третий, возникший из обертонов голос. Правильно, в этом – божественное начало домбры. В природе выживает не индивидуум, а – вид, тот, кто с природой в полной гармонии, кто недоступен капризам и пристрастиям бренного мира. Домбра прорвалась через века, чтобы сообщить нам нечто очень важное...

О чем душераздирающе тоскливые наигрышы Казангапа? Скажете: «Да мы не знаем даже – кто есть Казангап». Верю. Ибо Золотая Степь, будучи пуповиной – Золотым сечением всех континентов и цивилизации, засыпана пылью истории. О чем «ухмылка» безбровой Джоконды? Скажете: «Да, весь мир в догадках!» Да. Спросим тогда у третьего голоса домбры.

Во-первых, он (третий голос) прологом вещает нам, что «мир – иллюзорен», что смехотворна «мышинная возня» при неотвратимости рока судьбы, быстротечности человеческой жизни. «Зачем суетиться, если перед вами бастион безысходности?» – улыбается Мона Лиза.

Во-вторых, он эпилогом вещает, что гениальный автор специально не завершил свою картину, чтобы оставить «младому племени» хоть какую-то надежду и не разочаровать его неотвратимостью безысходности... Да, незавершенность предполагает дальнейший процесс, а процесс – желанную надежду: мол, познайте картину мира дальше и сделайте так, чтобы результат деяния остался в вечности, лишь так можно с ней состязаться.

Чтобы убедиться во всем этом, вслушаемся в голос домбры. Третий ее голос сразу же завораживает, словно незаметное гравитационное притяжение, особенно в период перемирия дня и ночи – безветренным вечером (или утром); мелодия домбры своей рондообразной формой возлияния рисует картину тенгрианского целостного мира – вечного круговорота жизни, где нет ни начала, ни конца... А это уже – надежда! Вот в чем божественная мессия и миссия домбры на земле!

Говорят, что святой по имени Маут якобы сказал: «Если человечество скочует на другую планету, то казах возьмет с собой домбру». Да, во всяком случае, воистину трудно представить менталитет казахской нации, вдруг отбросив музыкальное наследие, созданное домброй. Это точно так же, как если бы перестал существовать наш материнский язык...

